

Из царства Морфея Гарри выдернуло тихое похрапывание. Приоткрыв один глаз, он едва различил белое пятно, сидящее у изголовья его кровати. "Доброе утро, Хедвиг". Как и в случае с Добби и Ксено, она каким-то образом узнала, что он и девочки пришли из будущего, и была немало обескуражена тем, что он не стал сразу же искать её. К счастью, она ограничилась мстительными поцелуями его ушей и рук, которые он залечил, как только она скрылась из виду. Учитывая, как она была зла, он счел за лучшее даже не пытаться заманить ее в клетку, а попросил, чтобы она летела обратно в Суррей своим ходом.

Проснувшись, он стал нащупывать очки, а желудок заурчал в знак протеста против того, что ему не дали ужин. Он заснул практически сразу после того, как адреналин от схватки с Верноном улетучился; воздействие Круциатуса, может быть, и было излечено, но оставалась еще некоторая усталость от восполнения магического ядра после пережитого. Поднявшись с кровати, он выглянул в окно и увидел, что обе машины семьи уехали, а значит, дом был в его полном распоряжении, и не факт, что в это утро он задержится там надолго.

Понежившись полчаса под тёплым душем и переодевшись в не помятую от сна одежду, он прошёл на кухню и почти беззаботно наложил завершающие чары со своей палочки на узел палаты Министерства. Он предпочёл бы отключить его навсегда, но для этого пришлось бы отключить все узлы, наложить на всю округу заклинание подавления магии, а затем с помощью магозрения отыскать камни и снять их. Честно говоря, у него было более подходящее занятие, тем более что дни, когда он не был с девочками, он проводил за восстановлением Поттер-Мэнора.

Очередное рычание из живота напомнило ему о приоритетах. "Добби, - позвал он, и эльф появился с тихим хлопаньем.

"Хозяин Гарри зовет Добби! Что Добби может сделать для хозяина Гарри?"

"Не мог бы ты приготовить мне завтрак? Неважно, что именно, только проследи, чтобы у Хедвиг было много бекона".

Добби кивнул со своей обычной бешеной скоростью. "Добби, сделай побольше бекона для Ее Всемогущества".

Покачав головой на то, как эльф назвал сову - не то чтобы она не требовала, чтобы к ней обращались именно так, если бы могла говорить, - Гарри безучастно наблюдал за летающими в воздухе сковородками и едой, за яичницей в конга-линии, ждущей, когда её поджарят, и сосисками, резвящимися в сковороде с маслом. Вскоре развлечение закончилось, и Гарри посвятил своё внимание удовлетворению зверя в своём животе, в то время как Хедвиг, присоединившаяся к ним в середине представления, с удовольствием поглощала жирный бекон. Закончив, он оттолкнулся от стола. Тарелка исчезла прежде, чем он успел её поднять, и белоснежная сова бросила на Добби мрачный взгляд. Если бы он знал свою птицу так хорошо, как ему казалось, а он знал, она бы старательно доедала последние крошки свинины, прежде чем отправиться на дневной отдых.

Вернувшись в спальню, он нашёл ключ от хранилища Гринготтса. Он мысленно представил себе Протекающий котёл, крутанул на пятках... и ничего не произошло. Нахмурившись, он попытался снова исчезнуть - с тем же результатом. Странно, я отчетливо помню, как Флетчер и Дамблдор аппарировали и деаппарировали здесь. Он приложил кончик палочки к правому виску. "Oculus magicae".

Магические чары давали длительный пассивный эффект при наложении на линзы, например, на очки или омниокуляры, но на сами глаза они должны были действовать кратковременно. Купол кроватной палаты вспыхнул, на его поверхности замелькали цифры и символы. Он проигнорировал выведенную на экран формулу и повернул палочку, как будто это был циферблат. Купол размылся и потускнел, но за пределами его защиты ничего не было, и он медленно повернул ствол остролиста в обратном направлении. Сразу за кровью, нитями уходящей к узлу Министерства, находилась тонкая белая защита. Он взглянул на руны, лениво дрейфующие по поверхности, и поклялся. "Я был прав, это Аппарирование с дополнительными чарами, ослепляющими Министерство для любого входящего или выходящего. Дамблдор, вероятно, наложил его, а значит, только он может впускать людей. Может, он и хочет изолировать меня в этой дыре, но с Кназла можно снять не одну шкуру".

Гарри открыл окно, впустив в него горячий сухой ветер. Он смутно помнил, что это лето было гнетущим, но в данный момент оно как нельзя лучше подходило для его нужд: высокая температура создавала большое количество восходящих потоков, на которых он мог кататься. Он убрал палочку в карман и сосредоточился на своём втором "я". Поначалу он опасался, что ему придётся медитировать несколько дней или недель, чтобы вернуть себе звериный облик, но был благодарен, когда почувствовал, как его тело уменьшается, пальцы срастаются, нос и челюсти удлиняются до острого острия. Одновременно с этим исчезла одежда, глаза сместились по бокам головы, а из кожи проросли темные перья.

После первого месяца, когда троица забаррикадировалась в поместье, они все решили стать анимагами, и он был очень рад, узнав, что его форма - сапсан, животное, которое разделяло его любовь пикировать на большой скорости за неуловимыми летающими объектами. Он был небольшого роста - всего шестнадцать сантиметров, и этот размер оказался ему на руку. Сокол, летающий в окрестностях Литтл Уингинга, был событием необычным, но на него легко можно было не обратить внимания; подростка на метле, делающего то же самое, было бы гораздо труднее не заметить, и это почти наверняка заставило бы волшебников-ударников арестовать его за нарушение Статута секретности.

Подпрыгнув и сделав несколько взмахов руками, он перебрался на подоконник и выглянул наружу. Из одного из кустов доносился храп, и он, не раздумывая, сбросился с карниза. Крылья подхватили горячий воздух и с минимальными усилиями подняли его в воздух. Он лениво поплыл прочь от квартала, вновь наслаждаясь радостью полета, но уже через десять минут приземлился на соседней крыше. Оказавшись достаточно далеко от Прайвет-драйв, он вышел из-под опеки Министерства и, приняв прежнюю форму, вновь попытался отправиться в Лондон. На этот раз ему это удалось.